

Beiträge zum 18. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav)

3.-5. September 2014, Budapest

Herausgegeben von
Enrique Gutiérrez Rubio, Marta Falkowska,
Ekaterina Kislova und Marzena Stępień

2015

Harrassowitz Verlag · Wiesbaden

Sanja Miletic Stereotipi među narodima bivše Jugoslavije kao osnova vica	141
Nailya Mirieva / Наїля Мірієва Лексічныя асаблівасці арабска-алфавітнага помніка беларускіх татар (на прыкладзе кітаба ІІН//58К)	149
Aleksander Mudri / Александар Мудри Мотивисаност лексема у ратарској и повртарској лексици код Русина у Војводини	155
Joanna Muszyńska Kilka słów o wyrażeniach <i>ironicznie</i> i z <i>ironią</i>	164
Irena Mytnik Identyfikacja mieszanek pogranicza polsko-ukraińskiego w XVI-XVII wieku	171
Tímea Pálok / Тимеа Палок Орфографические особенности газетных текстов пореформенного периода	180
Idikó Pálosi / Ильди́ко Палоши К вопросу о выражении хабитуалиса в русском языке	187
Péter Pátrovics Functions of some Polish verbal prefixes	197
Marianna Petrincová Predponové slovesá v preklade. Korpusová analýza ekvivalencie poľských slovies s predponou u- a ich slovenských ekvivalentov	204
Sebastian Przybyszewski Some problems with the description of paradigms of Polish verbal multi-word units.....	213
Mariya Redkva / Марія Редьквa Семантико-функціональні особливості антропонімів та міфонімів у казковому епосі з галицької Лемківщини. (На матеріалі записів Оскара Кольберга)	224
Ol'ga Saprikina / Ольга Саприкина О.М. Бодянский как исследователь славянской филологии и истории.....	232
Natalia Siudzińska O leksemie <i>Šeima</i> ('rodzina') w języku litewskim	239
Svetlana Terechova / Светлана Терехова Лингвистическая типология: этапы развития и современное состояние	246
Jasna Uhláriková Slovenské a srbské frazémy s lexémou <i>tvár</i>	253
Oxana Voloshina / Оксана Волошина Роль славянских языков в лингвистической теории И.А. Бодуэна де Куртенэ и Н. Крушевского	260
Aneta Wysocka Reinterpretations of the linguistic worldview in the unconventional use of phraseology. (The case of Ryszard Kapuściński's African reportage).....	269

РОЛЬ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ
В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
И.А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ И Н. КРУШЕВСКОГО

The role of the Slavic languages in the linguistic theory of J. Baudouin de Courtenay and M. Kruszewski.

Abstract: The paper deals with the role of the Slavic languages in the linguistic theory of J. Baudouin de Courtenay and M. Kruszewski. The linguistic ideas of these famous linguists can be considered a result of the development of theoretical linguistics in the 19th century. In addition, the paper discusses the important scientific ideas of J. Baudouin de Courtenay and M. Kruszewski and the role of their research in the theoretical linguistics of the 20th century. The analysis of Slavic languages laid the foundations for the future research of J. Baudouin de Courtenay and M. Kruszewski.

Keywords: Slavic languages, linguistic theory, J. Baudouin de Courtenay, M. Kruszewski.

1. Введение

Любая лингвистическая теория формируется на базе конкретного языкового материала, поэтому она целиком определяется особенностями исследуемых языков и зависит от них. Так, именно санскрит лежит в основе теоретических построений Франца Боппа (и всей индоевропейской компаративистики начала XIX века), древнеисландский язык явился фундаментом теоретической конструкции Расмуса Раска, а языки американских индейцев повлияли на формирование гипотезы лингвистической относительности в работах Эдварда Сепира и Бенжамина Уорфа. Ряд примеров можно легко продолжить.

Тема нашей работы – роль славянских языков в становлении лингвистической теории в трудах выдающихся ученых конца XIX начала XX в. И.А. Бодуэна де Куртенэ и Н. Крушевского.

Идеи Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ во многом предопределили развитие науки о языке в XX веке. Достаточно вспомнить, что именно Бодуэн является основоположником фонологии – дисциплины, которой суждено было сыграть ведущую роль в становлении и развитии структурной лингвистики. Любимый ученик Бодуэна – Николай Крушевский проживший, к сожалению, очень короткую жизнь, оставил удивительные работы, одна из которых – *Очерк науки о языке* (1883) – представляла собой опыт построения философской теории языка, это сочинение было высоко оценено Бодуэном и было включено им в список обязательной литературы для студентов-филологов. Бодуэн признавал, что концепция фонологии оформилась в процессе совместной работы с Крушевским, причем именно на материале славянских языков.

На базе подробно разработанной классификации чередований звуков в славянских языках Бодуэн и Крушевский формулируют учение о фонеме. Наблюдаемые в славянских языках многочисленные чередования звуков позволили построить теорию, которой суждено было сыграть ведущую роль в лингвистике XX века. Фонология и явилась той научной областью, которая определила «теоретическое

основание всех эмпирических данных фонетики» (Kruszewski/Крушевский 1893:48).

Процесс формирования фонологической теории в работах Бодуэна и Крушевского подробно описан в работах по истории языкознания, мы же остановимся на других идеях Бодуэна и Крушевского – менее известных историкам науки о языке, но, без сомнения, важнейших не только для становления теории казанской школы, но и для развития мировой лингвистики в целом.

2. «Резьянские говоры» как пример «смешения языков»

Языкознание конца XIX века пребывало в глубоком кризисе: в результате почти векового развития главного направления лингвистических исследований – сравнительно-исторического языкознания (компаративистики) – тематика научных изысканий стала очень узкой, многие теоретические задачи не могли быть решены при помощи старых научных методов (например, вопросы в области семантики и синтаксиса генетически родственных языков, задача объяснения языковых изменений и др.). Теоретические построения компаративистов были очень уязвимы и часто не выдерживали критики. Как известно, основная задача сравнительно-исторических исследований – выявление закономерностей в развитии родственных языков. Поскольку родственными языками традиционно считаются языки, имеющие общее происхождение, т.е. возникшие от общего предка – праязыка – доказательство языкового родства зависит от степени древности сравниваемых языков. Доказать родство современного английского, русского и хинди – задача сложная, а вот общность древнеанглийского, старославянского и санскрита более очевидна. Таким образом, чем глубже в ретроспективу, тем меньше расхождения между родственными языками. Поэтому весь XIX век лингвисты стремились изучать письменные памятники, зафиксировавшие древнейшее состояние языка: Ригведу, поэмы Гомера, Остромирово евангелие и т. п. Очевидно, что живые языки, как наиболее искаженные, далеко отошедшие от общего праязыка, редко привлекали внимание ученых. Конечной целью сравнительно-исторических исследований была реконструкция существующего некогда праязыка, а живые языки представляли собой менее удобный материал для реконструкции, поэтому часто не учитывались компаративистами. А.Х. Востокову, например, приходилось отстаивать возможность (и необходимость) использования данных живых языков и диалектов в сравнительно-исторических исследованиях¹.

И.А. Бодуэн де Куртенэ настойчиво призывал лингвистов активно привлекать материал живых языков и диалектов, так как только в живом языке можно обнаружить законы языкового развития. Бодуэн активно занимался диалектологией – в ходе диалектологических экспедиций он собрал и проанализировал богатейший материал различных славянских диалектов, обобщив его в диссертации *Опыт фонетики резьянских говоров* (1875). Новые данные позволили Бодуэну внести коррективу в традиционную теорию сравнительно-исторического языкознания. Так, процесс дивергентного развития индоевропейских языков, представленный в виде родословного древа Августом Шлейхером еще в середине XIX в., представлялся Бодуэну односторонним и искажающим реальную картину. По мнению Бодуэна, процесс развития языков идет не только по пути

¹ Сравнивая старославянский язык с современным польским, Востокову удалось «разгадать тайну юсов» – загадочных букв старославянской азбуки: там, где в старославянском слове встречался юс, в современном польском – носовой гласный. Таким образом, напрашивалось предположение о существовании носовых гласных звуков в старославянском языке.

дивергентного, но и конвергентного развития, то есть языки могут не только дробиться, но и объединяться, влиять друг на друга, что приводит к более или менее выраженному «смешению языков». По определению Бодуэна, смешанный язык – это язык «с преобладающим элементом известного племени, но все-таки со значительными видоизменениями под влиянием языка племени, лингвистически ассимилированного» (Boduën/Бодуэн 1963:365)². Бодуэн описывает случаи взаимного влияния друг на друга не только родственных, но и неродственных языков, если это языки соседей. Он настаивает на использовании в традиционной компаративистике методов лингвистической географии, то есть обращает внимание на территориальное распространение языков в целом и отдельных языковых явлений, предлагает картографировать языковые данные и учитывать взаимное влияние соседних языков.

Славянские языки, по мнению Бодуэна, представляют яркий пример языкового смешения. Бодуэн пишет:

Обозревая весь славянский языковой мир, мы замечаем в нем довольно много вполне определенных случаев языкового смешения [...] Романскому влиянию подвержены некоторые крайние полосы юго-западных славянских областей, прежде всего славяне в Италии [...] Сильному германскому влиянию подвержены славяне на некоторых юго-западных и на северо-западных окраинах славянского языкового мира, прежде всего лужицане и поляки в Пруссии совместно с кашубами. Мадьярскому влиянию должны подвергаться славяне Венгерского королевства. В пределах России происходит взаимодействие славянского языкового элемента и разных «инородческих», неславянских: литовского, латышского, эстонского, татарского, чувашского и т. д. (Boduën/Бодуэн 1963:369-370).

Яркий пример языкового смешения Бодуэн нашел во время путешествия по Италии – это резьянские говоры, диалектная разновидность словенского языка. Из-за особенностей географического распространения эти говоры развивались длительное время изолированно от славянского языкового мира, но испытали, по мнению Бодуэна, сильное «мадьярское влияние» (влияние венгерского языка).

Резьяне представляют смесь словян с каким-то отпрыском туранского племени [...] или, точнее говоря, они состоят из смеси словян с ослывившимися туранцами. Резьянские же говоры, сообразно племенному (этнографическому) происхождению их носителей, являются словянскими говорами, подвергшимися сильному туранскому влиянию, или, другими словами, они есть словянские говоры с некоторыми привитыми им весьма существенными и проникающими весь их строй и состав туранскими особенностями (Boduën/Бодуэн 1875:120).

Очевидно, что языки соседей влияют друг на друга, но считалось, что такое влияние распространялось лишь на звуковой строй языка и на словарный состав (имеются в виду лексические заимствования). Бодуэн пытается на примере резьянских говоров показать, что влиянию могут подвергаться самые устойчивые участки языковой системы – морфология и синтаксис, под воздействием соседних языков меняются даже сами принципы структурного устройства языка в целом.

Резьянские говоры характеризуются особенностями, свойственными славянскому языковому типу, однако Бодуэн наблюдает в этих говорах фонетические и морфонологические черты, чуждые славянским языкам, объяснить которые можно, лишь допустив чужеродное влияние. Бодуэн находит в фонетическом строе резьянских говоров два элемента – «чисто славянский и чужой, наносной, привитый извне. Из скрещения этих двух элементов произошли... своеобразные особенности резьянских говоров» (Ibd.:116).

² Армянский язык причисляется к ариоевропейской отрасли языков, и действительно, многими своими сторонами он к ней принадлежит, но вместе с тем по некоторым частностям его сторон и вообще по некоторым основным особенностям его необходимо поставить рядом с языками, если не тюркско-татарскими или урало-алтайскими, то по крайней мере с языками, очень близкими этим последним (Baudouin/Бодуэн 1963:365).

Особенность славянских языков (как и всех индоевропейских языков) – наличие ударения как цементирующего средства индоевропейского слова. В резьянских говорах ударение сохраняет свою объединяющую функцию, однако наряду с ударением говоры приобретают несвойственную славянским (и индоевропейским) языкам структурную черту, широко распространенную в тюркских и финно-угорских языках – сингармонизм (от греч. *syn* – *вместе* и *harmonia* – *созвучие*). Речь идет о морфонологическом явлении, основанном на принципе единообразного вокалического оформления слова, то есть на употреблении в слове гласных звуков сходной артикуляционно-акустической характеристики. Самым распространенным является сингармонизм по ряду – в одном слове встречаются только гласные переднего или заднего ряда (встречается также сингармонизм по подъему и (или) по лабиализации).

Выбор гласных звуков в слове определяется, как правило, по первому гласному корня (в языках с сингармонизмом отсутствуют приставки – слово всегда начинается с корня). Этот же гласный в финно-угорских языках, как правило, является ударным. Например, если в венгерском языке в корне – гласный переднего ряда, то и все последующие аффиксы также будут содержать гласный переднего ряда. И наоборот, если в корне гласный заднего ряда, аффиксы, соответственно, также будут содержать гласный заднего ряда. Такая морфемная структура слова предполагает наличие аффиксов-дублетов (с передним и задним гласным).

Например, в венгерском языке суффикс множественного числа представлен следующими вариантами: *-ek / -ok*. В зависимости от гласного корня, мы выбираем необходимую огласовку аффикса:

Az a város (этот город) – *azok a városok* (те города), но *ezek a városok* (эти города);
Ez a térkép (эта карта) – *ezek a térképek* (эти карты), но *azok a térképek* (те карты)

В языках с сингармонизмом система вокализма строго симметрична – каждый гласный имеет пару по фонетическому признаку (по ряду, подъему и лабиализации). В резьянских говорах все гласные классифицируются по двум признакам – по подъему и лабиализации:

Ясные гласные (нелабиализованные) *e i o u a*
 Темные гласные (лабиализованные) *æ y ö ü*
 Узкие гласные *i u ü*
 Широкие гласные *e o æ ö a*

В резьянских говорах словоформы строятся по принципу сингармонизма, однако, в отличие от венгерского языка, вокалическую характеристику слова определяет не первый гласный, а ударный, т.к. в резьянских говорах (как и в других славянских языках) ударный гласный осознается главным.

Таким образом, в резьянских говорах безударные гласные слова повторяют фонетические характеристики ударного гласного. Получаются следующие формы слова *жена*:

Именительный падеж ед. ч.	<i>Žaná</i>
Дательный падеж ед. ч.	<i>Žaenœ</i>
Родительный падеж мн. ч.	<i>Žiní</i>

Или формы слова *ребенок*:

Именительный падеж ед. ч.	<i>ötrök</i>
Родительный-Винительный падеж ед. ч.	<i>otroká</i>
Именительный падеж мн. ч.	<i>utrucí</i>

Та же зависимость гласных словоформы от ударного гласного обнаруживается в глагольных формах.

Эта исключительно резьянская принадлежность состоит в законе гармонии гласных, которая основывается на противоположности, с одной стороны, «темных» и «ясных» гласных, с другой же стороны, на противоположности гласных «широких» и «узких» [...] Подобное явление, сколько мне известно, не встречается ни в одном другом славянском наречии. А между тем это есть особенность далеко не маловажная, так как она проявляется в каждом без исключения многосложном резьянском слове... и, следовательно, проникает весь звуковой (фонетический) организм резьянских говоров [...] Подобное построение звукового механизма на полной зависимости гласных подчиненных слогов от гласного слога господствующего составляет, как известно, главную фонетическую особенность финских и вообще туранских языков (Ibd.:119).

Гармония гласных – важный принцип объединения слогов (и морфем) тюркского и финно-угорского слова. Как уже было сказано, эту объединяющую функцию в индоевропейских языках играет ударение. А вот смешанный характер резьянских говоров проявляется в том, что они совмещают оба способа – и ударение, и сингармонизм. По словам Бодуэна, слова в резьянских говорах «склеены двойным цементом, состоящим из сочетания ариоевропейского цемента – ударения, с туранским цементом – гармонией гласных» (Ibd.:119).

Туранская фонетическая особенность привита здесь на славянской почве, где, во время совершения предполагаемой мною фонетической смеси, ударение было подвижным, и где [...] ударенный слог чувствовался слогом преобладающим, так как именно ударение соединяло известный комплекс слогов в одно нераздельное целое, чувствуемое единичным словом. Таким образом, подвергшееся этому чужому влиянию славянское племя усвоило себе внешнее проявление закона гармонии гласных, но без усвоения его главного внутреннего смысла, состоящего в подчинении суффиксов коренному созвучию (Ibd.:119).

Итак, именно материал славянских диалектов явился для Бодуэна яркой иллюстрацией языкового смешения. Языки влияют друг на друга не только на уровне лексических заимствований, но и на глубинном уровне языковой структуры. В результате чужеродного влияния язык может приобретать несвойственные ему структурные черты. Подобным влиянием, например, объясняет Бодуэн утрату морфологически подвижного ударения, первоначально свойственного всем славянским языкам, у поляков и чехов. Он пишет:

Только потрясение, вызванное этнографическим смешением с племенами, неспособными к восприятию морфологической подвижности ударения, могло произвести потерю этого ударения у лингвистических предков нынешних словаков, чехов и поляков [...] (Boduën/Бодуэн 1963:369).

Бодуэн протестовал против попыток лингвистов втиснуть материал живых языков в прокрустово ложе узких схем теоретических построений. Он критиковал картинку родословного древа – язык не висит на ветке совершенно изолированно от других языков, он распространен на определенной территории, на него влияют соседние языки, кроме того, язык живет в обществе говорящих на нем людей. Бодуэн предлагал учитывать психологию говорящего коллектива, ставил задачу определить, как психология говорящих влияет на устройство языка. В этом контексте Бодуэн выступал с резкой критикой главного достижения компаративистики – звуковых законов; он поставил задачу обнаружения истинных законов языкового развития, которые, по его мнению, определялись психологической и социальной природой человеческого языка.

3. «Переразложение основ в пользу окончаний» – закон развития слова в индоевропейских языках

В конце XIX в. никто не сомневался, что язык как цельный организм развивается закономерно, а установление этих закономерностей считалось одной из

важнейших задач сравнительно-исторического языкознания. Проще всего такие закономерные изменения прослеживались на звуковом материале, поэтому все языковые законы были законами звуковыми (фонетическими). Историческое изменение значений слов или синтаксических структур – задача гораздо более сложная, поэтому компаративисты ограничивали свои наблюдения описанием «перехода звуков» в родственных языках³. Компаративисты представляли звуковые переходы как изменения, не знающие исключений (все исключения необходимо было объяснить, выявив еще не известные звуковые законы) и не зависящие от говорящего коллектива.

Бодуэн решительно заявлял: «Нет никаких звуковых законов». По его мнению, звуки не переходят из одного языка в другой, а изменяются в речи говорящих в зависимости от соседних звуков, от положения в слове, от стремления говорящих к экономии усилий при произношении (отсюда возникают такие фонетические процессы, как ассимиляция и аккомодация, дизрезы и т. п.).

Выявить причины изменений звуков в живой речи – задача современной науки о языке, однако это не единственная цель лингвистических исследований, потому что главная цель науки о языке – установление общих закономерностей развития языка в целом – и семантики, и синтаксиса, и словообразования, и фонетики. Чтобы справиться с такой грандиозной задачей, лингвисты обязаны обратиться от языков мертвых к языкам живым, потому что только в живой речи можно обнаружить психологическую основу языковых законов. Вот как об этом пишет Николай Крушевский – любимый ученик Бодуэна де Куртенэ:

Только изучение новых языков может способствовать открытию разнообразных законов языка, теперь неизвестных потому, что в языках мертвых их или совсем нельзя открыть, или гораздо труднее открыть, нежели в языках новых. Наконец, только изучение новых языков может установить взаимную связь между отдельными законами (Kruszewski/Крушевский 1893:47).

Как уже было сказано, все выявленные лингвистами к концу XIX века языковые изменения касались звуковой стороны языков – фонетики. Морфологии, а тем более синтаксису, по мнению Бодуэна, повезло меньше. Крушевский писал: «Если взглянем на разные части лингвистики, то легко заметить, что морфология осталась далеко позади фонетики» (Kruszewski/Крушевский 1880:21-22). Однако именно семантика и грамматика – та область, в которой можно наблюдать, как психология говорящего человека влияет на язык и изменяет его устройство. Для иллюстрации подобных теоретических положений Бодуэн изучал просторечие, речь детей, различного рода ошибки и оговорки в процессе речепроизводства, пытаясь доказать роль ассоциации и аналогии в развитии значения слова, в перестройке парадигм словоизменения, моделей словообразования и т. п.

В работе *Опыт фонетики резьянских говоров* в главе *Психическое смешение звуков. Аналогия. Народное словопроизводство* Бодуэн приводит примеры действия аналогии в разговорной речи и пишет: «разбор названных психических сил составляет вообще предмет не фонетики, но отчасти морфологии, отчасти же этимологии» (Baudouin/Бодуэн 1875:107). Крушевский развивал идеи своего учителя, стараясь «сделать из морфологии путеводную мысль при исследованиях фонетических» (Kruszewski/Крушевский 1880:5).

Еще в 1868 г. молодой Бодуэн де Куртенэ в статье *Некоторые случаи действия аналогии в польском склонении* впервые сформулировал морфологический закон о «переразложении основ в пользу окончаний». Много лет спустя он теоретически обосновал эту идею в работе *Заметка об изменяемости основ склонения*,

³ Например, знаменитый закон Раска-Гримма (закон передвижения согласных) описывает изменения, которые претерпели индоевропейские смычные в германских языках.

в особенности же об их сокращении в пользу окончаний. Бодуэн опять выступил против догм в лингвистике, против использования схем и категорий одного языка при анализе другого языка. Материал санскрита и способ анализа грамматического устройства языка, представленный в древнеиндийских грамматических трактатах навязали компаративистам представление о неизменных «неподвижных и деревянных» основах, одинаковых для всех древних индоевропейских языков. Такой подход способствовал поиску следов того, чего в конкретном языке уже нет, а может быть, никогда и не было.

[...] основы или темы, как и все остальное в языке, подвергаются постоянным изменениям, и именно изменениям двоякого рода: чисто фонетическим и изменениям под влиянием аналогии (Boduën/Бодуэн 1890:6).

Изменения по аналогии, по мнению Бодуэна, есть результат действия в языке «бессознательных психических законов». Бодуэн на материале древнепольского склонения установил, что изменения основ в индоевропейских языках происходили путем включения конечной части основы (часто тематического гласного) в состав следующего аффикса (флексии).

Это сокращение основ в пользу окончаний должно было начаться еще в ариевропейском праязыке, именно в тех случаях, когда конечному гласному основы пришлось сталкиваться с начальным гласным окончания и сливаться с ним в один долгий гласный (Boduën/Бодуэн 1890:7).

Крушевский в работе *О морфологической абсорбции* точнее формулирует этот закон Бодуэна:

Звуки, принадлежащие одной морфологической единице, отрываются от нее и интегрируются другой единицей; причем сокращению подвергается предшествующая морфологическая единица в пользу последующей (Kruszewski/Крушевский 1880:22).

Окончание способно поглотить часть основы, изменить конечный гласный основы, в результате чего происходит переосмысление морфемной границы слова. Например, в форме *рыбах* выделяется корень *рыб-* и окончание *-ах*, потому что в данном случае работает закон аналогии с формами *рыб-ой*, *рыб-у*, *рыб* и т. п., где отсутствует конечный гласный основы *а*. Новое окончание по аналогии распространяется на слова, относящиеся к другим типам склонения: «новое окончание возникло первоначально в древних темах на *-а* и путем морфологической ассимиляции перешло ко всем прочим темам» (Kruszewski/Крушевский 1881:95).

Подобное явление Крушевский наблюдает и в словах *восток*, *подушка* и т. п., в которых «тема поглотила префикс» (Kruszewski/Крушевский 1880:22).

Стремление увидеть систему в разнообразном и противоречивом звуковом материале характеризовало научное творчество и Бодуэна, и Крушевского. Они стремились не только выявить закономерные изменения в области фонетики или грамматики различных языков, но и указать причины подобных изменений.

Причину исторической изменчивости языка Крушевский видит в психологической природе языка, которую можно объяснить законами ассоциации.

Если от явлений чисто фонетической природы мы перейдем в область фонетических явлений, находящихся в связи с морфологией, то и здесь обнаружим [...] не имеющие исключения законы, которые, однако, принадлежат не физической, а психической сфере (Kruszewski/Крушевский 1998:92).

Языковая система не существует отдельно от говорящего индивида, а реализуется лишь в конкретном речевом акте, поэтому основана на действии психологических законов. Как выявить эти законы и определить их природу? Для ответа на этот вопрос Крушевский пытается разобраться, как хранится языковая система в памяти говорящих и как используется язык в процессе коммуникации. Он

выдвигает концепцию о двух способах группировки слов – ассоциации по сходству и ассоциации по смежности⁴.

Всякое слово связано с другими словами узлами ассоциации по сходству; это сходство будет не только внешнее, то есть звуковое или структурное, морфологическое. Но и внутреннее, семасиологическое. Или другими словами: всякое слово способно, вследствие особого психического закона, и возбуждать в нашем духе другие слова, с которыми оно сходно, и возбуждаться этими словами (Ibd.:145).

Например, слово *подосиновик* вызывает в сознании группы слов, относящихся к одному лексико-семантическому полю – *грибы: подберезовик, боровик, груздь, опенок, лисичка* и т. п. Кроме того, это слово тянет за собой ряд слов с такими же (или похожими) морфемами – *подберезовик, подстаканник, подоконник* и т. п., выстраивая различные (с разной степенью близости) семасиологические и морфологические связи. По своему звучанию слово вызывает также фонетические ассоциации.

С другой стороны, каждое слово имеет тесные связи с последующими словами, оно как бы тянет за собой соседей по предложению (и с точки зрения формы, и с точки зрения семантики): за переходным глаголом следует существительное в винительном падеже (*читать книгу*), слово *одержать* вызывает в сознании слово *победу, нанести – поражение* и т. п.

Такая способность слов возбуждать друг друга основана на психическом законе ассоциации по смежности: мы привыкаем употреблять данное слово чаще с одним, нежели с другим словом (Ibd.:145).

Крушевский устанавливает системные связи между словами (и морфемами) в языке:

Вследствие закона ассоциации по сходству, слова должны укладываться в нашем уме в системы или гнезда, то, благодаря закону ассоциации по смежности, те же слова должны строиться в ряды. Итак, каждое слово связано двоякого рода узлами: бесчисленными связями сходства со своими родичами по звукам, структуре или значению и столь же бесчисленными связями смежности с разными своими спутниками во всевозможных фразах; оно всегда член известных гнезд или систем слов и в то же время член известных рядов слов (Ibd.:145).

По мнению Крушевского, закон ассоциации по сходству способствует самоорганизации системы, ее упорядочению (воспроизводству), а закон ассоциации по смежности стимулирует появление нового в языке. Взаимодействие этих двух законов обеспечивает, по мнению Крушевского, развитие языка.

Процесс развития языка [...] представляется нам как вечный антагонизм между прогрессивной силой, обусловливаемой ассоциациями по сходству, и консервативной, обусловливаемой ассоциациями по смежности (Ibd.:187).

Крушевский утверждает, что не только в фонетике и грамматике, но и в семасиологии (науке о значении) можно обнаружить систему и установить законы ее исторического развития.

Конечно, подобные законы развития языковой системы справедливы для любого языка мира, но сформулирована была теория языка Крушевского именно на материале славянских (русского и польского) языков. Получив место преподавателя в классической гимназии провинциального г. Троицка Оренбургской губернии, Крушевский оказался вдали от Казанского университета, от библиотек, от общения с коллегами. В письмах своему учителю Бодуэну Крушевский

⁴ Задолго до работы Ф. де Соссюра *Курс общей лингвистики* Крушевский говорит о том, что любая языковая единица вступает в отношения, основанные на законах ассоциации, образуя стройную систему. Ассоциации по смежности Крушевского аналогичны синтагматическим отношениям языковых единиц в терминологии Соссюра, а ассоциации по сходству – ассоциативным отношениям у Соссюра (парадигматическим отношениям в терминологии современной лингвистики).

жаловался на отсутствие необходимых научных трудов по древним индоевропейским языкам, однако в ответ Бодуэн предлагает Крушевскому внимательно наблюдать живой русский язык, который (как и любой другой язык) предлагает богатейший материал для обнаружения законов языкового развития.

Литература

- Boduën de Kurtenè J. 1963. O smješannom haraktere vseh jazykov. V: Boduën de Kurtenè J. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju*. T. 1. Moskva, 362-372 / Бодуэн де Куртенэ, И.А. 1963. *О смешанном характере всех языков*. В: Бодуэн де Куртенэ И.А. *Избранные труды по общему языкознанию*. Т. 1. Москва, 362-372.
- Boduën de Kurtenè J. 1875. *Opyt fonetiki rez'janskih govorov*. Varšava / Бодуэн де Куртенэ И.А. 1875. *Опыт фонетики резьянских говоров*. Варшава.
- Boduën de Kurtenè J. 1890. *Zametka ob izmenjaemosti osnov sklonenija, v osobennosti že ob ih sokrašenii v pol'zu okončanij*. Varšava. / Бодуэн де Куртенэ И.А. 1890. *Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний*. Варшава.
- Kruševskij, N. V. 1880. *O morfoložičeskoj absorbcii*. V: Kruševskij N. *Lingvističeskie zametki*. Varšava, 21-30 / Крушевский, Н. В. 1880. *О морфологической абсорбции*. В: Крушевский, Н.В. *Лингвистические заметки*. Варшава, 21-30.
- Kruševskij, N.V. 1881. *K voprosu o gune. Issledovanie v oblasti staroslavjanskogo vokalizma*. Varšava. / Крушевский Н.В. 1881. *К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма*. Варшава.
- Kruševskij, N.V. 1893. *Predmet, delenie i metod nauki o jazyke*. V: Kruševskij, N.V. *Očerki po jazykovedeniju*. Вып. 2. Антропфоника. Varšava, 42-48 / Крушевский, Н.В. 1893. *Предмет, деление и метод науки о языке*. В: Крушевский, Н.В. *Очерки по языковедению*. Вып. 2. Антропфоника. Варшава, 42-48.
- Kruševskij, N.V. 1998. *Opyt nauki o jazyke*. V: Kruševskij, N.V. *Izbrannye raboty po jazykoznaniju*. Moskva, 96-222 / Крушевский, Н.В. 1998. *Опыт науки о языке*. В: Крушевский Н.В. *Избранные работы по языкознанию*. Москва, 96-222.

МГУ имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, ГСП-1
Москва – Russia

Оксана Волошина
(oxanav2005@mail.ru)